

Как накормить страну здоровой пищей?

В ближайшей перспективе политику в области продовольственной безопасности и здоровья нации будут определять страны, которые имеют наибольший доступ к рыбным ресурсам.

При этом, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, спрос на рынке все больше и больше будет превышать предложение. Т.е. конкуренция растет и неизбежно будет расти. Что в этой ситуации делать России? Свое видение ситуации представил Юрий Диденко, экс-президент ОАО «ХК «Дальморепродукт».

— Юрий Григорьевич, ваша основательная критика положений дел в рыбной отрасли, опубликованная на страницах «К» (№4 от 8-14 февраля 2011 г.), похоже, попала в самый нерв общественной дискуссии. Многие теперь задаются вопросом: куда же мы движемся? Однако на критику способен каждый, а вот предложить что-то реальное — нет. У вас-то есть свое видение развития отрасли?

— Раз мои слова вызвали такую бурную реакцию, значит, вопрос назрел. Критика ради критики — не мое кредо. Конкретные предложения у меня есть. Конкуренция за биоресурсы растет. Понимание этого заставило государство сформулировать задачу: вернуться в число лидеров мирового рыболовства, увеличить объем контролируемых ресурсов, закрепить за собой биоресурсы Мирового океана. Цель правильная, однако до сих пор ничем не подкреплена. А посмотрев на Стратегию рыболовного судостроения, понимаешь, что конкретные мероприятия предлагают путь, прямо противоположный заявленному.

Сегодня Россия по-прежнему уверенно и поступательно теряет ресурсы. Если в 1990 году, по данным Счетной палаты, мы ежегодно могли вылавливать 4,5 млн тонн рыбопродукции вне своей экономической зоны, а добывали 2,6 млн тонн, то сегодня потенциально можем ловить только 1,9 млн тонн, а ловим около 900 тыс. тонн. За 20 лет потеряли 2,6 млн тонн ежегодного вылова в открытом океане. В пересчете на животный белок это составляет ежегодные потери 8,7 млн голов крупного рогатого скота. Обрато вернуть эти ресурсы невозможно. Это происходит не только вследствие технической отсталости нашего флота, который не может там, вдали от наших берегов, вести промысел хоть сколько-нибудь эффективно, но и является рукотворным результатом работы чиновников, которые не отстаивают наши национальные интересы.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров из наиболее массовых объектов промысла Мирового океана. Так, норвежское правительство получило от комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ) четыре лицензии на добычу антарктического криля с фиксированным объемом квот (400 тыс. в год), независимо от будущей ситуации и объема заявок участников. Россия, несмотря на то, что была одним из организаторов АНТКОМ и на ее научных данных в значительной степени строилась работа этой организации, на чью долю ко всему прочему приходилось до 93% мировой добычи криля, таких лицензий не получила.

Давайте посмотрим на ставриду в южной части Тихого океана. Этот ресурс открыли советские рыбаки, которые в течение многих лет вылавливали до 1,3 млн тонн в год, провели более 200 комплексных научно-исследовательских экспедиций и вложили миллиарды долларов. Сегодня нами подписана Конвенция по регулированию промысла в этом районе, в результате которой мы этот самый богатый ресурс открытого океана практически потеряли. Последовательная позиция нескольких стран и прежде всего ЕС, который не имеет ни истории научного изучения, ни истории промысла, но ввел в район самый большой тоннаж флота, привела к тому, что в Конвенции первым пунктом разделения квот идет принцип «настоящие планы по рыболовному промыслу». Догадайтесь, как оценили вклад России? «Научное изучение ресурса» стоит на последней, 10-й позиции. При этом вклад сторон в открытие рыболовства в области соглашения среди принципов распределения вообще отсутствует. Фактически автономное стадо ставриды юго-западной части Тихого океана, где, кроме России, никто никогда и не вел промысла, объединено с юго-восточной

частью. Т.е. Россия и в этой части не имеет преимуществ.

— Как это случилось?

— Очень просто: на каждую встречу по регулированию Евросоюз направлял представительнейшую делегацию из десятков чиновников, включая министров стран ЕС. Делегация же России обычно состояла из нескольких человек и обычно возглавлялась заместителем руководителя института. Вот так, без войны, профукали миллионы тонн ресурсов.

Из этого следует, что сегодня необходимо, во-первых, быстрее ввести во все районы Мирового океана, где у России существуют квоты или имеются еще свободные ресурсы, современные конкурентоспособные суда. Каким образом? Немедленно поддержать те проекты по созданию и вводу в эксплуатацию высокоэффективных судов, которые превосходят западные аналоги. Я точно знаю, такие проекты у нас есть, для той же ставриды и криля. Просто рыбаки ходят годами с проектами, но им отказывают даже в организационной поддержке в виде подтверждения квот.

Во-вторых, общий объем контролируемых биоресурсов, включая потенциально закрепленный за Россией, должен быть одним из главных показателей работы руководства отрасли. Должна быть убедительная, жесткая, но разумная и аргументированная позиция в переговорах на всех уровнях и касательно всех ресурсов открытого океана. Во встречах должны участвовать самые представительные делегации, которые смогут оказать необходимое давление, включая дипломатическое и даже военное присутствие в районах промысла.

Ужасный анахронизм

— **Открытый океан — это, конечно, хорошо. Ну а что будем делать с экономической зоной России? Ведь и здесь нужно менять очень многое, а если быть точнее, практически все элементы, нормирующие промысел.**

— Вы правы. В нашей экономической зоне менять нужно систему, начиная с Правил рыболовства. Это же просто ужасный анахронизм: если прилов молодежи превышает 20%, судно обязано отойти от места траления не менее чем на пять миль и провести контрольные траления. Ну не было раньше, в 50-60-х годах у нас никаких приборов — делали так. Но сейчас-то на дворе век компьютеров и электроники! Десятилетиями уже все пользуются приборами, позволяющими в воде определять размерный ряд объекта промысла. Ну кто же так гробит сырец, как мы?

Нужно менять и систему учета вылова. Она пришла из тех древних времен, когда задачи были совсем иными. Главным для страны в те годы была еда для народа. Рыбы было столько, что трал забивался за несколько минут. Никто и не считал, сколько ты поймал, главное — выполнить план по выпуску продукции. Оттого и была разработана такая система, во главе которой план в виде натуральных показателей продукции, которую ты обязан выпустить. Оттого и система оценки вылова была по выпуску продукции. Но сейчас-то времена изменились, мы можем почти все выловить. Значит, нужно думать о рациональном использовании того, что есть. Думать, как выпустить из нашего ОДУ максимум продукции, а не выбрасывать потенциальную пищу за борт миллионами тонн (в 40-50 раз больше, чем наши конкуренты). Только за счет рационального промысла и использования системы прямого учета вылова американцы на добыче минтая увеличили выпуск продукции на 50%!

Перед рыбаками, работающими в нашей экономзоне, надо ставить задачи: максимально возможное использование сырца, существенное увеличение при том же ОДУ выпуска продукции и ВВП отрасли, прекратить узаконенное браконьерство. Инструменты для этого — изменение Правил рыболовства, введение системы прямого учета вылова, многоступенчатая система контроля вылова, в т.ч. исключая влияние человека, жесточайшая система штрафов за попытку искажения данных о вылове. Такие системы успешно работают в других странах. Те же американцы констатируют, что за последние 20 лет не было ни одного случая искажения данных о вылове.

Конечно, вводить эти инструменты нужно постепенно и публично. Уверен, что прекращение перелова и выброса молодежи может позволить существенно увеличить ОДУ и общий вылов в нашей экономической зоне. Ведь на том же минтае ОДУ превышал 3,5 млн тонн до того, как практически

весь крупнотоннажный флот после развала СССР вернулся в нашу экономическую зону и пресс на минтай, включая и выбросы молоди за борт, сделался сверхмерным. Тогда и ОДУ резко упал до уровня менее 1 млн тонн.

В духе инноваций?

— В Стратегии рыболовного судостроения предлагается напрямую дотировать промысел в открытом океане. По-вашему, это приведет к нерациональной и безответственной эксплуатации рыбных ресурсов?

— Согласно этому документу, строительство флота начнется через семь лет — в 2018 году. А дотация промысла подразумевает, что судно работает с убытками, которые и покрываются дотациями. Мы против строительства убыточных судов. Сегодня наши конкуренты имеют суда, которые работают на дешевых объектах промысла в открытом океане без всяких дотаций. Если мы думаем, как выиграть борьбу за пищу в глобальном масштабе, надо думать и о том, как создать еще более производительные суда, а значит, более конкурентоспособные. Но нельзя говорить о лидерстве и в то же время создавать флот вчерашнего дня. Это на десятилетия определит нашу отрасль в аутсайдеры среди ведущих стран. Мечту о лидерстве придется забыть. Надолго, а если принять во внимание срок службы судна, то, вероятно, навсегда. Поскольку через десяток лет в открытом океане не за что будет конкурировать. Все массовые объекты промысла уже будут поделены.

Приведу пример опять из Стратегии: только для промысла ставриды в южной части Тихого океана планируется построить 38 единиц стометровых БМРТ. Опуская вопрос, на каких ресурсах они будут работать, спросим: как эти суда смогут конкурировать с голландцами, которые сегодня там имеют траулеры под 150 м длиной с объемами трюмов и выпуском продукции в разы больше, чем наши перспективные БМРТ? Ответ: не могут не только конкурировать, но даже вести промысел сколько-нибудь эффективно, потому промысел будет дотироваться.

— Зато суда очень дешевые — всего по \$30 млн за один траулер. Кстати, не кажется ли вам, что цена слишком занижена?

— Это просто небывалая дешевизна для траулеров. Построенный сегодня даже в Китае стометровый траулер будет стоить в два раза дороже. Но не это главное, а то, что ежегодно это судно нужно будет дотировать в объеме не менее нескольких миллионов долларов. За весь срок службы его «обслуживание» из федерального бюджета перевалит на сотню миллионов, а если взять все 38 единиц, то счет пойдет на миллиарды долларов. Хорошее решение? В духе инноваций? На мой взгляд, разумнее построить 5-6 единиц действительно современных, конкурентоспособных судов стоимостью по \$120 млн каждое, которые смогут, во-первых, обеспечить тот же вылов, а во-вторых, за 25 лет заработают миллиарды долларов. И, наконец, в-третьих, победят в любых условиях конкуренции.

Не всех, но заставит

— Вы говорите о конкуренции как о motore эффективного развития российской рыбной отрасли. Но сегодня в отрасли конкуренции нет. И из ваших же слов выходит, что рыночные механизмы пытаются заменить методами советской эпохи в виде государственного регулирования всего и вся.

— Это очень четко видно из Стратегии рыболовного судостроения: государство определяет, какие суда строить, сколько строить, по какой цене строить и объем дотаций. Этот метод развития уже показал свою несостоятельность. Даже такое государство, как СССР, под грузом непомерных госрасходов, которые формировались, в т.ч. и из госдотаций, рухнуло. Начнем делать то же самое или все-таки подумаем о другой модели развития? Более эффективной модели, чем рыночная конкурентная среда, до сих пор не придумано. Поэтому без элементов конкуренции никакое развитие рыбной отрасли невозможно.

Другой вопрос, что конкуренция должна вводиться постепенно. Не допустим резкий переход, как это было в начале 2000-х годов. Это шоковая терапия. Почему? Аукционы как метод — совершенно правильный путь создания конкуренции в отрасли, которая неминуемо приводит к внедрению новой техники и рациональному использованию сырья (квот). Мировая практика

показывает, что аукционы позволяют уйти от коррупции в распределении квот, закрыть вход в отрасль тем, «кто ближе к телу». Соревновательная среда помогает выйти на передовые позиции самым эффективным и продвинутым собственникам, наиболее технически и экономически образованным, с тем самым инновационным мышлением, о котором сегодня так много говорят. Ко всему прочему аукционы определяют необходимость создания все более и более производительного, высокоэффективного и конкурентоспособного флота. Ведь вы можете позволить покупать квоты по гораздо более высокой цене, если имеете более эффективное судно, а конкуренты на БАТМ и БМРТ сделать это уже не в состоянии.

В 2000-х организаторы аукционов внесли много черных тонов тем, что в условиях отсутствия реального контроля за выловом и продажностью контролирующих структур по некоторым объектам промысла и прежде всего — крабу просто стимулировали неприкрытое браконьерство. Подчеркнем, что с отменой аукционов это браконьерство никак не исчезло, т.е. само по себе браконьерство не связано с аукционами. Наша деловая среда еще не готова к таким революционным изменениям.

Уверен, что сегодня мы можем иметь совершенно иную отрасль, если бы вдобавок к аукционам государство сумело навести порядок в том, что просто обязано сделать, — в системе учета и контроля вылова. Но главное, почему аукционы в том виде неприемлемы, — они просто революционны. Это для американцев они могли бы стать нормой. Потому что в США не было никаких возражений и тем более протеста против введения еще более шокового распределения квот минтая — олимпийской системы. Ее суть: разрешено ловить всем, кто сколько хочет, но промысел закрывается сразу после того, как выбирается ОДУ. Это гораздо более жесткие условия конкуренции. Промысловый период минтая доходил до 2 месяцев в году (разрешенный период — 9-10 месяцев), а самый продуктивный икрайный сезон закрывался через 25 дней после начала вместо 3 месяцев!!! Причем эти минтайчики, в силу необходимости, практически не могли вести промысел других видов. Т.е. суда работали в год 2 месяца. И эта олимпийская система существовала почти 10 лет. Она и определила создание самых высокоэффективных судов. Они просто выкристаллизовывались в этих условиях.

— Тогда о каких элементах конкурентной среды может идти речь?

— Прежде всего об эволюционных. Нецелесообразно ломать сегодня ту систему по закреплению квот на 10 лет, которая уже существует. Хватит революций. Но в качестве очень осторожного предложения я бы выдвинул продажу на аукционах очень небольшого количества ресурсов, пусть сначала несколько процентов ОДУ, с постепенным увеличением этого количества до существенной доли ОДУ. Естественно, это нужно делать (путем внесения в закон о рыболовстве) публично и заранее, скажем, после истечения сегодняшнего 10-летнего периода. Даже уже само такое объявление должно заставить рыбаков подумать о том, как увеличить производительность своих судов и как конкурировать. Не всех, но заставит. Нынешний, фактически закрытый клуб рыбаков никак не способствует выполнению задач, стоящих перед отраслью. Закрытый клуб — это всегда застой, болото.

Если мы хотим создать действительно первоклассный, конкурентоспособный рыболовный флот, государство не должно заставлять рыбаков строить суда только на российских верфях. Силовое принуждение приведет к печальным результатам для нашей отрасли и к тому, что мы так и не создадим конкурентоспособную отрасль технически сложного гражданского судостроения. Ведь кроме рыбопромыслового флота существуют еще научно-исследовательские и офшорные суда, а также нефтяные платформы. Миллиарды долларов, вложенные государством в развитие судостроения, будут лишь одноразовыми госдотациями для судостроителей, т.е. потраченными впустую, став еще одним примером неразумных госинвестиций.

Рыба — здоровая еда для бедных

— Сейчас поставки на экспорт все больше зависят от наличия сертификата устойчивости промысла, который является обязательным документом при поставке рыбных товаров многим международным розничным сетям. На что делать акцент: предпринимать все необходимое для максимального развития экспорта, который и так растет, или же для широкого освоения и формирования внутреннего рынка?

— В сегодняшних условиях нашим рыбакам неразумно вкладывать немалые средства в получение сертификата Морского попечительского совета (MSC). Лучше направить эти средства на решение первоочередных задач, которые неизбежно принесут нашим рыбакам в экономическом смысле гораздо больше, чем повышение цены на их продукцию с сертификатом MSC.

Сегодня получение сертификата MSC российскими компаниями попахивает просто липой, ведь наши старые суда не могут работать без выбросов за борт и без истребления молодежи. Такой сертификат отражает, что промысел вида ведется как оптимальный, в полном соответствии с ресурсом (без перелова) и хорошо организован (полный контроль вылова и без браконьерства). У нас сегодня как раз все наоборот: есть гигантский перелов, по сути узаконенное браконьерство, и практически отсутствует оперативный контроль вылова. Инспектора, находящиеся на промысле, просто закрывают глаза на то, что за каждым судном тянется дорога из мертвой рыбы.

Американцев можно понять: они уже выжали из своих ресурсов все что возможно — выброс за борт составляет от 0,4% до 1%, выход продукции из сырца максимально возможный, они его подняли в 1,5 раза. Поэтому повышение цены на экспортируемую продукцию с помощью сертификата MSC, видимо, единственное, чем можно реально увеличить доходность их бизнеса. У наших же рыбаков непаханое поле для повышения эффективности промысла: внедряйте новую технику, перестаньте выбрасывать за борт, добейтесь такого же выброса — менее 1%, как зарубежные конкуренты. Вот тогда для целей более эффективного экспорта обязательно нужно будет думать либо о разработке национального сертификата в соответствии с требованиями ФАО по типу MSC, либо о получении международного сертификата, признанного в мире. Тогда это будет отражать действительную ситуацию.

Формирование емкого внутреннего рынка рыбопродукции крайне необходимо. Не только ради бизнес-целей, а прежде всего ради здоровья нашей нации. Нужны государственные системные меры пропаганды потребления рыбы и морепродуктов. Это еще одна важнейшая государственная задача, которую трудно переоценить. В условиях, когда основу питания — белок получают на основе применения новых технологий генной инженерии, с непредсказуемыми результатами этого в будущем (а прилавки наших магазинов заполнены в основном продукцией, которая представляет собой на молекулярном уровне полусинтетические продукты), один из немногих продуктов, который на сегодняшний день генетически безопасен, — это рыба и морепродукты. Особенно актуально это в детском возрасте. Не случайно в Японии именно определенные виды рыб входят в обязательный рацион питания в детских садах. Это должно быть и у нас. Конечно, необходимы формирование культуры потребления морепродуктов, разработка и продвижение на рынке огромного количества разнообразной продукции из рыбы. Ведь, например, только из филе минтая на одном предприятии в Германии производится более 300 наименований разнообразной продукции пищевого назначения.

Заблуждение думать, что рыба — это еда только для богатых. Основная масса дешевых пелагических видов рыб, та же чилийская ставрида, поставляется в беднейшие африканские страны. Это пища для бедных. Поэтому у нас, с относительно невысоким уровнем жизни, этот чистый, полезный и дешевый белок просто обязан быть востребованным среди широких слоев населения. При этом дешевый — не значит плохой. Например, ставрида — одна из самых богатых видов рыб по уровню содержания Омега-3. И именно ставрида является одной из разновидностей рыб, которые входят в обязательный рацион питания в детских садах Японии.

Егор БАТАЛОВ